

Секция «История России с древнейших времен до конца XVIII в.»

Польский резидент при царском дворе Павел Михаил Свидерский в донесениях В. М. Тяпкина

Научный руководитель – Флоря Борис Николаевич

Домрачев Николай Евгеньевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории России до начала XIX века, Москва, Россия

E-mail: nickolas-house@yandex.ru

Осень 1673 г. стала важной вехой в русско-польских отношениях, отметившей новое, более тесное, сближение двух крупнейших держав Восточной Европы: Московского государства и Речи Посполитой. Начавшееся в 1672 г. прямое военное вторжение турецких войск в польскую Подолию подтолкнуло Речь Посполитую к более глубокому сближению с Москвой. Весной 1672 г. в Москве посольству Яна Гнинского удалось добиться подтверждения антиосманского союза 1667 г. и новых военных обязательств царя Алексея Михайловича и его советников, связанных, в первую очередь, с отвлечением орд крымского хана [5, 879-880]. Череда военных поражений и заключение осенью 1672 г. позорного Бучачского мира с Портой заставили короля Михаила Корибута Вишневецкого и его советников добиваться от Москвы прямой военной помощи против Османской империи («посилков») [9, 235]. Углубить эту интеграцию и добиться от царя Алексея Михайловича и его советников «посилков» призвано было учреждение в Москве польского постоянного дипломатического представительства. Резидент Павел Михаил Свидерский прибыл к царскому двору в сентябре 1673 г. В ответ спустя два месяца в Польско-Литовское государство был «отпущен» царский резидент стольник Василий Михайлович Тяпкин. Обе миссии поработали до 1677 г. и были ликвидированы в связи с усугублением кризиса в русско-польских отношениях.

Появление в Москве польского резидента имело большое значение для развития русской дипломатической практики. Во-первых, именно миссия П.М. Свидерского стала образцом для организации и развития миссии В.М. Тяпкина. Наказ (инструкция), данный царскому резиденту, предписывал добиваться, «*чтоб ему, Василью дан был двор и во всем повольность учинена, как и их королевского величества резиденту*» [1, 31]. Во-вторых, во многом от деятельности резидентов зависел успех польско-московской военной интеграции. В-третьих, длительное взаимодействие с П.М. Свидерским дало Посольскому приказу богатый практический опыт взаимодействия с постоянным дипломатическим представительством. В этой связи, для Посольского приказа задача контроля над деятельностью польского резидента, пребывающего в Москве, должна была быть крайне важной. Выдвинуть такую рабочую гипотезу позволяет действительно пристальное внимание, которое уделял король Ян III Собеский и его окружение деятельности и, прежде всего, донесениям В.М. Тяпкина [7, 69-70]. Очевидно, что у Посольского приказа в 1670-е гг. было всего два пути удовлетворения этой гипотетической потребности: перлюстрация переписки П.М. Свидерского и мониторинг его донесений В.М. Тяпкиным в Польско-Литовском государстве. Решению вопроса о том, насколько на практике обозначенная выше задача была актуальна для Посольского приказа в 1670-е гг., и в какой степени ее решал (или мог решить) царский резидент В.М. Тяпкин, и будут посвящены настоящие тезисы.

Концентрация внимания на В.М. Тяпкине, являвшимся лишь одним из способов наблюдения и контроля над деятельностью польского резидента со стороны Посольского приказа, объясняется спецификой состояния источниковой базы. В отличие от донесений

В. М. Тяпкина, которые представляют собой в основном «вестовые» письма на имя руководителей Посольского приказа и отписки на имя царя, и собраны достаточно компактно в книгах и столбцах ф. 79 «Сношения России с Польшей» РГАДА, переводы и копии перлюстрированных писем П. М. Свидерского бессистемно рассредоточены по разным делам ф. 79. Задача сведения их в единый корпус крайне сложна. Кроме того, обнаруженные документы свидетельствуют о крайне редкой и бессистемной перлюстрации его писем. На данный момент удалось обнаружить 9 таких писем. В исследовательской литературе деятельность П.М. Свидерского привлекала внимание в основном исследователей польского происхождения: З. Вуйцика [12] и А. Каминьского [11]. Проблематика, связанная с донесениями В.М. Тяпкина, более популярна. Ей занимались А.Н. Попов [8], Б.Н. Флоря [9], А.В. Богатырев [6], С.М. Шамин [10] и др.

Резиденту В. М. Тяпкину в наказе - основополагающем документе русской миссии в Речи Посполитой - не было дано особых распоряжений относительно мониторинга деятельности его московского «коллеги». В царских указных грамотах и приказных письмах - документах, корректирующих задачи русского резидента, - указания относительно П.М. Свидерского появляются лишь однажды. [4, 270].

Однако, помимо общего требования - «*писать... о всяких тамошних ведомостях чрез почту, чтоб ни одна почта без ведомостей от него, Василья, не приходила*» [1, 35], - наказ содержал два важных положения, которые могли привлечь внимание В.М. Тяпкина к сообщениям польского резидента. Во-первых, его материальное положение и возможности напрямую зависели от положения и возможностей П.М. Свидерского в Москве. Резидент обязан был сообщать в Москву обо всех несоответствиях своего положения тому, как был принят в Москве его «колега». Все это вынуждало В.М. Тяпкина следить за донесениями польского резидента о его жизни при царском дворе. Он, в частности, сообщал, что «*на Москве такова ж неволя резиденту королевского величества учинена*» [3, 114]. Помимо этого русский резидент интересовался сведениями и иного характера: он старательно выяснял, сколько П.М. Свидерскому полагается жалования от Речи Посполитой, сколько он получил на проезд до русской границы, каково его семейное положение. Все это было сообщено в Посольский приказ. Однако конкретные сведения попадали в поле зрения В.М. Тяпкина нечасто. Польский резидент во многом стал для него недостижимым идеалом, который пользуется в Москве всеми благами царской милости, недоступными русскому резиденту при королевском дворе. «*Не прикалад, государь, мне Свидерской*», - сообщал он в Москву [2, 31 об].

Во-вторых, от В.М. Тяпкина наказ требовал выявлять и присылать в Москву материалы, содержащие «*укоризну Российскому государству*». Во многом именно пристальное внимание русского резидента к такого рода информации предопределило попадание в его донесения в большом количестве сообщений П. М. Свидерского из Москвы, в которых он сообщает вредную для международного имиджа России информацию. В частности, Тяпкин сообщал 15 апреля 1676 г., что П.М. Свидерский пишет, «*будто бунты безпрестанные в народе московском, и великие раздоры меж вами, ближними его государскими боряи и думными людьми*» [3, 176 об.]. Во многих случаях В.М. Тяпкину приходилось резко реагировать на такие сообщения: «*Лжот ваш резидент, как шалбер и недоброй человек, и пишет х королевскому величеству явные ссоры и наветы*» [3, 98 об.].

Главным источником информации для В.М. Тяпкина о деятельности и сообщениях польского резидента на протяжении большей части его службы в Речи Посполитой были сообщения короля и сенаторов, которые, ссылаясь на П.М. Свидерского, требовали от русского резидента комментария либо «выговаривали» ему неподобающие союзнику действия царя и его советников. Только в 1676 г. В.М. Тяпкину удалось достать и прислать в Москву четыре письма П.М. Свидерского. Но, как представляется, постоянного доступа

к его донесениям царский резидент не имел.

Таким образом, Посольский приказ в 1670-е гг. не ставил перед собой задачи заниматься систематическим мониторингом донесений польского резидента в Москве П.М. Свидерского. Вероятно, не было организовано систематической перлюстрации его донесений. Не было дано соответствующих указаний и В.М. Тяпкину. Однако внутренняя логика наказа заставляла русского резидента уделять внимание сведениям, поступающим из Москвы от своего польского «коллеги». Однако эта же логика предопределяла и специфику информации, которой уделял внимание В.М. Тяпкин. В конечном итоге это привело к поступлению в Москву сведений исключительно негативного характера, сопровождаемых к тому же негативными оценками как самого русского резидента, так и некоторых сенаторов Речи Посполитой. Очевидно, Посольский приказ считал этот объем информации достаточным. Как представляется, сообщаемые В.М. Тяпкиным сведения способствовали формированию у русской политической элиты представлений о П. М. Свидерском как о склонном к интригам человеке невысоких профессиональных и моральных качеств и облегчили его удаление из Москвы при ликвидации резиденций в 1677 г.

Источники и литература

- 1) РГАДА. Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Кн. 160 «Отправление посланника В. М. Тяпкина; отправление в Польшу к В. М. Тяпкину подьячего В. Тимофеева».
- 2) РГАДА. Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Кн. 173 «Отписки и вестовые письма из Польши посланника В. М. Тяпкина боярину А. С. Матвееву 1674-1675 гг.».
- 3) РГАДА. Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Кн. 178 «Отписки и вестовые письма из Польши посланника В. М. Тяпкина боярину А. С. Матвееву 1675-1676 гг.».
- 4) РГАДА. Ф. 79 «Сношения России с Польшей». 1674 г. №2 «Отписки, вестовые письма и иные материалы из Польши посланника В. М. Тяпкина и посланные к нему из Москвы материалы».
- 5) Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб.: в типографии II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии. 1830 г. Т. 1.
- 6) Богатырев А. В. Документы первой русской резидентуры в Речи Посполитой В.М. Тяпкина как исторический источник. СПб.: Нестор-История, 2021.
- 7) Домрачев Н. Е. Россия, Речь Посполитая и вопрос о восстановлении постоянных дипломатических представительств в конце 1680-х гг. // Славянский альманах. Вып. 1-2. М.: Индрик, 2020.
- 8) Попов А. Н. Русское посольство в Польшу в 1673 – 1677 гг. СПб., 1854.
- 9) Флоря Б. Н. Переговоры между Россией и Речью Посполитой о союзе против османов (1673-1676 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2017. №1.
- 10) Шамин С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М; СПб.: Альянс-Архео, 2011.
- 11) Kaminski A. Republic vs. Autocracy: Poland-Lithuania, 1686-1697, Cambridge: Harvard Ukrainian Research Institute, 1993
- 12) Wójcik Z. Jan Sobieski. 1629 – 1697. Wyd. 2. Warszawa, 1994.